

Барина Екатерина Петровна

доктор исторических наук

*Самарский институт (филиал) Российского экономического университета
имени Г.В. Плеханова*

ПРОВИНЦИАЛЬНОЕ ДВОРЯНСТВО В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Великая Российская революция 1917 года и последовавшая за ней Гражданская война коренным образом трансформировали условия организации жизненного пространства социума. Проблема выбора «пути», политической, социальной и культурной самоидентификации стала главной как для отдельной личности, так и для социальных групп, классов и сословий. Законодательное упразднение сословий не могло автоматически уничтожить веками сложившиеся повседневные практики поведения. Травмирующие социальные практики (аресты, обыски, конфискации имущества) отражались на психологическом состоянии представителей дореволюционной элиты и не способствовали принятию решений. Правящая большевистская партия внедряла новые социалистические принципы в сознание и повседневную жизнь людей. В этих условиях дворянство подверглось колоссальному прессингу со стороны власти большевиков. Семьи распались и рушились, многие видные общественные и политические деятели дворянского происхождения пропали без вести после 1917 г. «Арестован в 1917 году, дальнейшая судьба неизвестна», «После 1917 года о его судьбе неизвестно...» – за этими короткими фразами скрывается трагедия многих дворянских семей. По сути пророческими оказались слова Н.Е. Маркова-2 о судьбе дворянского сословия в случае революционных потрясений: «Я не останусь в живых, в этом я убежден, думаю, что тоже будет и с вами, за исключением, конечно, тех, кому удастся заблаговременно уехать в Ниццу, но таких, господа, будет очень немного. Перед нами вопрос быть или не быть дворянству...»¹.

В исторической литературе политика советской власти в начальный период ее

---

¹ Объединенное дворянство. Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. М., 2002. Т. 2. Кн. 2. С. 181.

Доклады и сообщения

функционирования представлена с позиций реализации партийных и государственных директив. Исследователи революционного периода переживают ломку стереотипов, смену методологических предпочтений. Несмотря на значительное количество исторических публикаций и активное изучение периода 1918–1922 гг. нельзя считать его изучение завершенным. Лишь сравнительно недавно на фоне всплеска интереса к истории повседневности и микро-истории появились работы, посвященные повседневной жизни человека в условиях экстремальности. С.И. Ефремовым, С.А. Чуйкиной предпринята попытка показать повседневную жизнь дворянской семьи в 20–30-е гг. XX в.² В работах С.В. Волкова, В.А. Иванова дана оценка политике советской власти и действиям карательных органов по отношению к дворянству и офицерству, проанализированы причины репрессий, направленных на представителей этого сословия в 1930-х гг.³

Выявление учеными многочисленных нюансов и особенностей, как регионального, так и общегосударственного масштаба, имевших место в ходе Гражданской войны, делают проблему еще более актуальной. Необходимо показать воздействие политической пропаганды на создание новых духовно-нравственных ориентиров в обществе. В рамках исследуемой темы анализируются факторы, повлиявшие на трансформацию социального поведения провинциального дворянства. Региональные рамки представлены губерниями Центрально-Черноземного и Поволжского регионов. В данных губерниях помещное дворянство до Революции 1917 года было наиболее политически активным.

Источниковая база изучаемой проблемы представлена воспоминаниями дворянских эмигрантов и дворян, оставшихся в России, в которых события Гражданской войны оценивались с точки зрения «побежденных», предпринимались поиски «виновных», описывались «ужасы» нового политического режима. В архиве Московского Политического Красного Креста (1918–1922) исследователями были выявлены свыше 3 тыс. лиц «Карточек арестованного» и «Опросных листов», принадлежность которых к потомственному и личному дворянству не вызывает сомнений, в их числе кадровые генералы и офицерство Русской императорской армии, часть из них служила в Белой и Красной армиях. Причем, число обращений их в МПКК вполне согласуется как с официальными декретами и постановлениями большевистского правительства и распоряжениями карательных органов ВЧК – ОГПУ – НКВД, так и с репрессиями дворянства и офицерства, описанными в ряде монографий последнего периода.

Сразу после Февральской революции представители дореволюционной элиты и прежде всего дворянство еще надеялись приспособиться к новым реалиям и найти место

---

² Ефремов С.И. Дворянская семья в Советской России и СССР (1917 – конец 1930-х гг.): социокультурный аспект: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2011; Чуйкина С.А. Дворянская память: «бывшие» в советском городе (Ленинград, 1920–30-е годы). СПб., 2006.

³ Волков С.В. Трагедия русского офицерства. М., 1999; Иванов В.А. Миссия ордена: Механизм массовых репрессий в Советской России в конце 20-х – 40-х годов: на материалах Северо-Запада РСФСР. СПб., 1997; Тинченко Я.Ю. Голгофа русского офицерства в СССР. 1930–1931 годы. М., 2000.

Доклады и сообщения

в социальной структуре. В марте 1917 г. Постоянный Совет направил местным дворянским обществам телеграммы с призывами к «спокойной работе и поддержанию порядка на местах». 5 марта 1917 г. на собрании предводителей и депутатов дворянства Самарской губернии был заслушан доклад исполняющего должность губернского предводителя дворянства С.Н. Постникова о «произошедшем государственном перевороте». Собрание постановило приветствовать новую власть и Государственную думу как орган, сплотивший «вокруг себя силы народные в борьбе с отжившей властью»⁴.

В адрес Думы и Временного правительства посылались приветственные телеграммы от дворян различных городов, в которых выражалась поддержка «новому государственному строю и готовность служить на пользу обновленной Родине». 10 марта 1917 г. на заседании Постоянного Совета была принята резолюция, в которой говорилось о необходимости «направить все силы для содействия единой ныне законной власти»⁵. Дворянские лидеры призывали искать новые пути социальной адаптации в изменившихся условиях, работать во имя Отечества. Часть предводителей дворянства вошли в состав губернских и уездных общественных комитетов. Самарские дворяне избрали в качестве своих представителей в губернский Комитет народной власти Н.А. Семенова и С.Н. Постникова. Однако в большинстве случаев с административных должностей дворяне изгонялись, иногда арестовывались или предупреждались о неизбежном аресте в случае возвращения в уезд. В мае 1917 г. Тамбовский уездный предводитель дворянства докладывал Постоянному Совету о том, что в изменившихся условиях «невозможно продолжать свою службу в полной мере и принимать участие в работе городского исполнительного комитета в качестве председателя»⁶.

Стремление представителей дворянских обществ внедриться в различные комитеты, создававшиеся Временным правительством, было вызвано желанием так или иначе повлиять на ситуацию в деревне, однако эти попытки в большинстве случаев не имели успеха из-за резкого противодействия крестьян – общинников. Отметим, что самарские дворяне пытались получить представительство даже в Советах рабочих депутатов, справедливо полагая, что это будет способствовать укреплению их политических позиций.

Общественно-политическая ситуация, сложившаяся в стране весной – летом 1917 г., постепенно лишала земельных собственников, особенно крупных помещиков, влияния в деревне. Крестьяне развернули активную борьбу за землю. Для грабежа избирали самых беззащитных помещиков или тех, кто проживал в городе. Волостные правления отправляли запросы и предписания землевладельцам, приходили с обысками для «проверки имущества», искали оружие. Особенно беспокоили помещиков возвращающиеся в свои деревни «с пением и гиканьем» солдаты, которые «вели себя

---

⁴ Центральный государственный архив Самарской области. Ф. 663. Оп. 1. Д. 100. Л. 1–2 об., 7–9.

⁵ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 434. Оп. 1. Д. 87. Л. 15.

⁶ Там же. Л. 40.

шумно, много пили, по вечерам пели и кричали»⁷.

Потеря фактической власти на местах способствовала и падению социального авторитета представителей сословия. Дворянство особенно тревожили революционные события в деревне. Вопросы «что делать?», «покинуть усадьбу или остаться?», «куда бежать?» в том или ином варианте звучат со страниц дворянских воспоминаний применительно к событиям лета и осени 1917 года. Один из представителей сословия А.В. Давыдов вспоминал, что решение остаться в имении ему далось тяжело, так как он не был уверен «будут ли, в связи с происшедшей революцией, крестьяне немедленно убивать помещиков, громить усадьбы и грабить экономии или выжидать событий, сознавая, что их давнишние вожделения не могут теперь не осуществиться новым законным путем?»⁸ Все же многие помещики оставались в деревне, несмотря на слухи о поджогах помещичьих усадеб и грабежах.

Однако в конце 1917 – начале 1918 г. зачастую при драматических обстоятельствах под угрозой ареста или убийства дворянские семьи вынуждены были оставлять свои родовые имения и переселяться в уездные и губернские города, либо в столицу. Пожалуй, этот переезд можно считать безвозвратной миграцией, так как за редчайшим исключением уехавшее дворянство больше не вернулось в свои имения, а отправилось дальше либо в эмиграцию, либо в Москву и Петроград, либо влилось в ряды белого движения.

А.В. Давыдов вспоминал, что «в середине декабря для меня стало ясно, что крестьяне, кроме особо состоятельных, стали большевиками»⁹. Экспроприация земельной собственности дворянства оставляла дворянские семьи без источника существования. Причем, более значимым для представителей дворянского сословия была не утрата земли как собственности, а усадьбы, имения как малой родины, как материальной памяти, символа рода и преемственности поколений.

С весны и до конца 1918 г. происходила национализация и ликвидация усадеб, в результате чего была уничтожена значительная часть национального культурного наследия, включая семейные и родовые архивы дворян. Разгром дворянских усадеб, последовавший после революции 1917 г., справедливо называют культурной трагедией России в чрезвычайно широких масштабах. Начиная с 1918 г., увеличились случаи не только разграбления и уничтожения дворянских имений, физической расправы над бывшими помещиками. Имущество расхищалось, уничтожалось. Не понимая художественной ценности дворянских библиотек или коллекций, крестьяне зачастую просто ломали вещи или сжигали книги. Воспоминания дворянства проникнуты горечью

---

⁷ Кн. Павел Д. Долгоруков. Великая разруха. Воспоминания основателя партии кадетов. 1916–1926. М., 2007. С. 22.

⁸ Давыдов А.В. Воспоминания: 1881–1955. Нью-Йорк, 1955. С. 29.

⁹ Там же. С.32.

Доклады и сообщения

разрушения всего того, что было сделано и утраты родовой памяти. Находившийся во время Февральской революции в Самаре кадет князь В.А. Кугушев был назначен комиссаром Самарской тюрьмы. В его воспоминаниях о событиях конца 1917 – начала 1918 года нарисована красочная картина деревенских настроений в его поместье в Уфимской губернии: «Село беспрестанно митингует, во главе фронтовика», звучали «громовые, трафаретные речи о кровопийцах, эксплуататорах-помещиках, грабивших, оскорблявших и унижавших крестьян, о том, что их нужно стереть с лица земли»¹⁰. Никакие возражения князя и ссылки его на то, что он был в тюрьме и ссылке при царском режиме, не помешали крестьянам принять приговор о его высылке из деревни.

Однако были случаи, что крестьяне либо предупреждали своих помещиков о грозящей им опасности, либо даже прятали их, особенно женщин и детей, от представителей новой власти. После октября 1917 г. имение О.Г. Аксаковой в с. Языково Бузулукского уезда Самарской губернии было конфисковано, но сама владелица имения осталась в нем проживать. Оставшуюся у нее часть архива семьи Аксаковых она передала Самарскому университету. В апреле 1919 г., когда село было на линии фронта между колчаковцами и чапаевцами, прибывшие в село колчаковцы в поисках сторонников красных обвинили крестьян в притеснении барыни. Однако Ольга Александровна убедила их не применять репрессии по отношению к крестьянам. В последние годы жизни престарелой Ольге Григорьевне помогали крестьяне, которые приносили ей продукты¹¹.

Многие дворяне привлекались для работы в новых советских учреждениях. События Гражданской войны, хотя и описывались по-разному, тем не менее, лейтмотивом звучали оценки о «распространение хаоса и анархии», «мрачные, ужасные времена». И.Д. Голицына вспоминала впоследствии: «...Трудности населения были ужасны. Не только пища, но и все исчезло. Магазины стояли пустые. На улицах не было улыбающихся лиц, не слышался смех, единственной мыслью было добыть хлеб или найти ему какую-то замену. Люди пекли хлеб из коры деревьев. Сушили кору, мололи и подмешивали в настоящую муку и из этой смеси пекли маленькие хлебцы... Мы, как и многие другие, не могли приспособиться к перемене обстоятельств»¹². Многие дворяне надеялись, что революция недолговечна, что все еще может измениться к лучшему, вернуться на «круги своя». Перед старшим поколением вставали проблемы, связанные с поиском работы, места жительства и образования для детей. Попытки дворянства найти работу, свое место в новой социальной среде, общественно-политическая активность вызывали недоверие и опасение у представителей новой власти. Априори полагая, что привилегированные сословия являются классовыми врагами, их обвиняли в связях с контрреволюционными

---

¹⁰ Цит. по: *Алексушина Т.Ф.* Самарские страницы российского дворянства. Самара, 2013. С. 305.

¹¹ *Кулешов А.С.* Аксаковы. История разбитых судеб // Древний дворянский род Аксаковых: сайт. URL: <http://aksakoff.ru/2010/01/chapter2-1/> (дата обращения: 22.02.2017).

¹² *Голицына И.Д.* Воспоминания о России (1900–1932). М., 2005. С. 7.

Доклады и сообщения

организациями. Один из высших руководителей ВЧК М. Лацис, давая инструкции местным органам, указывал на необходимость руководствоваться при вынесении приговора социальным происхождением, образованием и профессией обвиняемого: «Не ищите в деле обвинительных улик; восстал ли он против Совета с оружием или на словах. Первым долгом вы должны его спросить, к какому классу он принадлежит, какого он происхождения, какое у него образование и какова его профессия. Вот эти вопросы и должны решить судьбу обвиняемого»¹³. Зачастую дворяне жили под угрозой ареста и физического уничтожения.

Отметим, что представители дворянских родов сражались как в Красной, так и в Белой армии. В период Гражданской войны были проведены массовые аресты представителей дворянства в качестве «заложников» при ухудшении положения на фронтах гражданской войны или после покушений на членов правительства. Распространенной практикой были внесудебные казни, а также аресты и лишения свободы на относительно непродолжительные сроки – от нескольких дней до нескольких месяцев. Так, например, помощник комиссара народной Самарской городской милиции Петров в своем донесении от 30 мая 1918 г. в Самарский Совет рабочих и депутатов Красной армии докладывал, «что бывший губернский предводитель дворянства Шелашников согласно вашего предписания от 29 мая сего года за № 13 мною арестован и в настоящее время содержится при штабе охраны, а потому прошу в срочном порядке сообщить, если возможно, с сим подателем, как поступить с Шелашниковым»¹⁴. Дело Шелашникова поступило в следственную комиссию Самарского революционного трибунала, но так как обвинение при аресте не было сформулировано, он был освобожден. Опасаясь нового ареста, Шелашников с представителями Российского общества Красного Креста покинул Самару и уехал в Омск.

«Москва 1918 года представляла собой грустную картину. На многих улицах еще не исчезли следы уличных боев октября 1917 года: разбитые витрины, следы пуль на штукатурке домов, обгорелые развалины зданий. Торговля фактически отсутствовала, магазины закрыты», – вспоминал дворянин А. Григоров. И далее он отмечал, что в Москве они застали «еще ряд бежавших из насиженных мест "недорезанных буржуев"», которые искали безопасного места, так как многим в период «красного террора», наступившего после покушения на Ленина 30 августа 1918 г. грозила смертельная опасность: «их брали заложниками, а в газетах ежедневно публиковались списки расстрелянных»¹⁵. Подробно описывая переезд на Украину, он, отмечает, что выбор Киева был обусловлен тем, что он

---

¹³ Цит. по: *Волков С.В.* Интеллектуальный слой в советском обществе // Сайт историка Сергея Владимировича Волкова. URL: <http://swolkov.org/ins/02.htm> (дата обращения: 22.02.2017).

¹⁴ *Алексушина Т.Ф.* Указ. соч. С. 236.

¹⁵ *Григоров А.А.* Из истории Костромского дворянства // Костромка: сайт. URL: <http://kostromka.ru/nobles/385.php> (дата обращения: 22.02.2017).

Доклады и сообщения

находился под управлением гетмана Скоропадского, бывшего под защитой германских войск, оккупировавших с марта 1918 г. эту бывшую часть российского государства. Поэтому Украина была «обетованной землей» для всех спасавшихся от новой власти, голода и угрозы расстрела, в отличие от великорусских губерний России, где шла гражданская война.

Известный лидер черносотенцев В.М. Пуришкевич после Февральской революции поддержал Временное правительство, однако вскоре был арестован и заключен в «Кресты» (сентябрь 1917 г.). В октябре 1917 г. создал подпольную монархическую организацию, пытавшуюся выйти на связь с генералом А.М. Калединым. В конце 1917 г. он был арестован Петроградской ЧК и приговорен к принудительным работам. В мае 1918 г. попал под амнистию и вскоре уехал на Юг России. С июня по декабрь 1918 г. жил в Киеве, где основал Общество активной борьбы с большевизмом и активно действовал в стане генерала А.И. Деникина. Г.А. Щечков после февраля 1917 г. перебрался в Москву, где перенес сердечный приступ. Поправившись, перебрался в родовое имение Волинцево, а оттуда после разгрома усадьбы – в Киев. В Киеве после падения власти гетмана П.П. Скоропадского был арестован петлюровцами и два месяца находился в Лукьяновской тюрьме. После второго взятия Киева большевиками (январь 1919 г.) находился на нелегальном положении и скрывался под чужим именем. В августе 1919 г. бежал в Одессу, где вскоре и скончался от сердечного приступа. Похоронен на Преображенском кладбище г. Одессы. Николай Жевахов в своих воспоминаниях писал: «Хотя Г.А. Щечкову и удалось избежать казни, однако он погиб, как один из лучших людей России, погиб, замученный теми нравственными муками, какие наиболее остро переживались людьми его настроения и убеждений в этот кошмарный период...»¹⁶.

Губернский предводитель тамбовского дворянства Н.Н. Челокаев, при советской власти лишенный любимого имения и выселенный из квартиры в Дворянском собрании, доживал свой век в крошечном домике, снятом для него благодарными земляками. Умер князь в 1920 г. Князь С.М. Волконский вспоминал: «В доме Александры Николаевны Нарышкиной жили: старушка Воейкова, та, чей дом был занят контрревом, и старик князь Челокаев, давнишний и последний тамбовский предводитель дворянства. Этим трем было за восемьдесят лет каждому. Старушка Воейкова, кажется, умерла своей смертью. К Челокаеву пришли, чтобы вести его на расстрел. Старик сказал, что не пойдет: "Несите меня или здесь пристрелите, а я не пойду". Его оставили, но взяли со стола его золотые часы... Старуха Нарышкина, бывшая статс-дама, богатая основательница Нарышкинского общежития в Тамбове, давно мозолила глаза... Ее подняли на телегу, повезли. Она была мужественна, но по дороге у нее сделался разрыв сердца: она избежала "человеческого

---

¹⁶ Жевахов Н.Д. Воспоминания тов. обер-прокурора Св. Синода кн. Н.Д. Жевахова. В 2 т. Мюнхен, 1923. Т. 2. С. 81.

Доклады и сообщения

суда»¹⁷. И таких примеров масса: умер, убит, расстрелян, арестован и дальнейшая судьба неизвестна – сотни и тысячи. Практически каждая дворянская семья оплакивала своих мужчин – отца, сына, деда, поскольку первоначально аресты и расстрелы касались только представителей мужского пола.

В начале 1918 г. арестовывали активных участников антибольшевистских организаций. За военными специалистами, служившими в Красной армии во время Гражданской войны, осуществлялся постоянный контроль. С августа 1918 г. была введена система заложничества семей военспецов с расстрелом в случае измены. Аресту подвергались даже дальние родственники дворян, служивших в Белой армии, зачастую не знающие об их судьбе или полагающие, что их родственник убит или пропал без вести. Так, например, в письме братьев дворян А.И. и М.И. Александровских в Красный Крест отмечалось, что «родственники и мать его никаких о нем (племяннике, находившемся в армии белых. – Е.Б.) сведений не имели и даже предполагали его погибшим». Они искренне недоумевали над вопросом о причине своего ареста и вопрошали Красный Крест «есть ли декрет об ответственности, и каких родных за проступки предупреждаются родные», подлежат ли они амнистии, и какие основания имеет арест. На «Опросном листе» Михаила Ивановича Александровского было несколько помет секретаря МПКК, в том числе озвучена причина ареста: «Арестованы по распоряжению Троцкого за то, что их родственник, служа в Красной армии, перешел на сторону белых. Алексей и Михаил Ивановичи были приговорены к лагерному заключению до конца гражданской войны»¹⁸. Очень часто арестованным не предъявляли обвинения на протяжении довольно долгого времени и не допрашивали.

После объявления амнистии и обязательной регистрации бывших офицеров, служивших в белых армиях, всех явившихся арестовывали, заключали в ближайший концлагерь или направляли в Москву, а позднее отправляли в Архангельск, где часть расстреливалась по прибытии, остальные постепенно уничтожались в Холмогорском концлагере. В самом Архангельске 1 200 офицеров были утоплены на барже. В 1921 г. по пути в Кронштадт были утоплены на барже 600 офицеров. В Екатеринодаре было расстреляно около 3 000, в Одессе – до 2 000, в Екатеринбурге – 2 800 чел. Самые страшные расстрелы офицеров прошли в Крыму, где были уничтожены поголовно все офицеры и чиновники (до 50 тыс.). Офицеры-репатрианты, вернувшиеся из-за границы после объявленной амнистии, были также расстреляны¹⁹. Зачастую, несмотря на ходатайства о пересмотре дела и освобождении, дворяне отправлялись в ссылку за одно только «сомнительное происхождение».

---

¹⁷ Волконский С.М. Воспоминания. М., 2004. Т. 2. С. 281.

¹⁸ Заклейменные властью. Услышь их голоса: сайт. URL: <http://pkk.memo.ru/page%202/dvor.html> (дата обращения: 21.02.2017).

¹⁹ Там же. URL: <http://pkk.memo.ru/index.html> (дата обращения: 21.02.2017).

Доклады и сообщения

Историки не могут дать точные сведения о соотношении и количестве уехавших и оставшихся дворянах. Зачастую не все члены семьи могли одновременно покинуть родину в силу различных причин (болезни, отсутствия разрешения на выезд), семьи разбивались. Этому способствовала и экспроприация дворянской собственности в городах. Потеря особняков и квартир также стала одной из причин миграции к родственникам – дальним или близким. Можно говорить о двух потоках миграции дворянства как из провинциальных городов в столицу, в надежде затеряться в большом городе, так и из крупных губернских и столичных городов в небольшие города Сибири, Урала, где можно было рассчитывать на то, что дворянское происхождение будет не замечено в случае утраты документов или изменения фамилии.

После окончания Гражданской войны проблема цивилизационного выбора между эмиграцией и адаптацией к советским реалиям стала еще более острой и в психологическом плане оставалась нерешенной. Многовековые культурные стереотипы пришли в столкновение с действительностью, переход из мира господ в мир обычного человека, да еще лишеного прав, был чересчур резким и породил множество как культурных, так и психологических проблем. Постоянные новости о выселениях, ограблениях, расстрелах, арестах, издевательствах со стороны представителей органов власти порождали чувства страха и унижения, стремления убежать, раствориться, исчезнуть от безысходности своего положения. Поэтому те представители дворянского сословия, которые имели возможность уехать, пытались вырваться из «большевистского ада».